

Как остаться человеком на земле

Диалог с генетиком, работы которого остаются открытием и после трагической гибели.

Л.

Корочкин. Автопортрет.
Журнал «Наука для всех»,
Новосибирск

Л.

Корочкин. Троица.
Журнал «Наука для всех»,
Новосибирск

Пролог

В одном, дорогом мне киевском доме я часто слышал фамилию этого человека, произносимую с особой теплотой. Хозяева когда-то, в годы юности легендарного, «лавертьевского» Академгородка под Новосибирском и их личной юности, входили в два круга молодых ученых, в центрах которых были геолог, академик Соболев и генетик, академик Беляев. Пересечение кругов образовало их семью.

Человек, о котором речь, был в «беляевской» команде. В том киевском доме я встречал его фотографии, читал его остроумные, для домашнего пользования, стихотворения. Одно даже выписал для себя. Впрочем, это уже не домашние экзерсисы, а выступление на первом Всесоюзном совещании по генетике и биологии дрозофилы в июле 1973 года в Петергофе:

*Нельзя забывать, что в иные моменты
Есть признак обычный — белки и ферменты.
Не хуже ни чем дрозофильего глаза
Ее же разогнанная эстераза,
И связаны с геном ее варианты
Тем способом, что и глазные мутанты.
И с давних времен мы таким же путем
По разным мутантам про ген узнаем
(По принципу этой известной системы —
Когда есть ферменты, то видны и гены).
О, кроме того, (это ясно без спору)
Ферменты конкретные очень маркеры.
В любых отношениях не трудно узреть:
Ферменты вообще-то неплохо иметь.
Сколь тяжко бы было сегодня у нас,
Не будь алкогольдегидрогеназ!
По этой причине в иные моменты
И выпить не грех бы за эти ферменты!*

Справедливости ради замечу: прочитано это было не на пленарном заседании, а на завершающем банкете.

Даже фамилия у автора сих виршей была какая-то домашняя, уютная — Корочкин.

И вдруг однажды читаю в «Комсомолке» очередную сенсацию: член-корреспондент РАН Леонид Иванович Корочкин с помощью стволовых клеток победил неизлечимую доселе болезнь Паркинсона.

Звоню. Договариваемся о встрече. Собеседником он оказался интересным и доброжелательным, хотя порой и категоричным в своих пристрастиях и неприятиях. «Овод» Войнич, например, считал апологетикой терроризма. На дух не принимал не только философию, но и живопись Николая Рериха. Не любил творчество Стругацких. Не числил в кумирах популярных в среде наших шестидесятников, к коим сам безусловно принадлежал, Ясперса и Хайдеггера. Но при этом вполне толерантно оставлял за другими право придерживаться полярно противоположных с ним позиций, не обращая от порога, как это издавна повелось у нас на Руси, инакомыслие чуть ли не в классовую вражду. И когда я с ним так же категорично не согласился в этих четырех и в ряде других случаев и пропел гимн любимым мною повестям Стругацких «Трудно быть богом» и «Понедельник начинается в субботу» (тоже, между прочим, знаковый пароль для научной молодёжи 60-х), он дружелюбно улыбнулся: «Что ж, ваше право так считать. Дело вкуса».

Проговорили мы не много не мало около четырёх часов. Решили: сначала дадим газетную полосу о стволовых клетках, а позже — все остальное, разговор «за жизнь».

В той, пятилетней давности, беседе мы говорили о...

О стволовых клетках и болезни Паркинсона

— Леонид Иванович! Это правда, что пишут о вас как о победителе болезни Паркинсона? Нет дыма без огня?

— Сначала — откуда дым. Классический, эталонный, любимый генетиками всего мира экспериментальный объект мушка дрозофила. В ее геноме есть элементы, которые можно совершенно безвредно вводить в стволовые клетки человека в целях генетической коррекции для лечения в перспективе различных болезней. Последовательности ДНК универсальны. И гены везде более или менее одинаковы. Контролирующие элементы — тоже. Значит, такой человеческий элемент можно заменить контролирующим элементом дрозофилы. И наоборот.

В этом была суть задач, которые я ставил в своей исследовательской программе. Операцию, во время которой клетки дрозофилы прибавляют к трансплантатам больных паркинсонизмом, провели без моего ведома: я в это время был в Америке. Естественно, я соавтор работы, поскольку в ней использовались и мои

идеи, и даже «мои» определенным образом измененные клетки. Но то, что, описав эксперимент, «Комсомолка» объявила, будто бы мною побеждена болезнь Паркинсона, — это всего лишь обычные для нынешней прессы редакционные извращения.

Стволовые клетки, способные, специализируясь и развиваясь, в итоге замещать пораженные болезнью ткани и органы, будучи внедрены в новые методы лечения, вероятно, произведут революцию в медицине. В частности, речь идет о клеточной терапии с исправлением дефектов, вызывающих разные неврологические заболевания. В обозримом будущем новое направление, называемое тканевой инженерией, обещает серьезные результаты в лечении при помощи стволовых клеток болезни Паркинсона, рассеянного склероза, болезни Альцгеймера и других тяжелых недугов. Но пока не надо ускорять события.

- Но их ускоряет сама жизнь. Сейчас, например, кардиохирурги вводят стволовые клетки в миокард, поврежденный при инфаркте, что способствует регенерации поврежденных зон сердца.

Другой пример. У парализованной шестнадцатилетней девушки обнаружили три опухоли спинного мозга, одна из которых сочеталась с опухолью головного мозга. После удаления части опухолей было проведено комплексное лечение стволовыми клетками. Звучит невероятно, но пациентка стала ходить.

А как по-вашему: где использование стволовых клеток может сегодня дать особо ощутимые «прорывы» в борьбе за человеческое здоровье?

— Скорее всего, в трансплантологии. Пересадка органов связана с многими рисками. Прежде всего — с тем, что больным месяцами, а то и годами приходится ждать пересадочного материала, не говоря уже о возникающих при этом острейших этических коллизиях: сколько раз врачей обвиняли в том, что они берут органы для пересадки, не сделав все для спасения жизни донора. И определить, справедливы или нет эти обвинения, бывает порой чрезвычайно трудно.

Но этот же орган можно вырастить из стволовых клеток, трансплантировав их. Стволовыми они и называются потому, что из них, как из ствола дерева, развиваются потом «ветви» разных органов.

— Так что провидческим оказался доклад академика В. Энгельгардта «Клетки на службе медицины», когда он еще в 1980 году предсказывал нечто подобное?

— Были еще более ранние провидения. Знаете, между прочим, какая страна — родина понятия «стволовые клетки»?

— Какая.

— Россия. Понятие это определил еще в начале XX века наш великий гистолог Александр Александрович Максимов, позже эмигрировавший в Штаты. А эстафету подхватил Александр Яковлевич Фриденштейн, открывший в 1960-е годы стволовые клетки костного мозга.

— Если вернуться к трансплантации: сейчас, насколько я понимаю, спор идет о том, какие стволовые клетки для этих целей перспективнее — эмбриональные или «взрослые».

— Я лично считаю: пока перспективнее путь, когда стволовые клетки берутся у самого пациента. Во всяком случае, при сегодняшнем уровне наших знаний о них, приходится искать возможности предотвращать неприятности, которые сопровождают трансплантацию эмбриональных стволовых клеток (например, образование опухолей). Когда-нибудь такие возможности будут найдены. Но сегодня так называемое терапевтическое клонирование с использованием эмбриональных стволовых клеток пока еще не может гарантировать последующую нормальную работу генов.

Эксперименты с эмбриональными клетками на животных, конечно, надо продолжать. Переносить же их на человека еще рано. Тем более торопиться не нужно, ибо есть другой вариант, о котором я говорю. Можно взять собственные стволовые клетки пациента, допустим, из костного мозга, из ребра, из кожи, из жирового слоя.

— Вы все время остужаете наши горячие журналистские головы, некоторые из которых договариваются до того, что стволовые клетки могут решить даже проблему бессмертия...

— Ну, это из той же области, что и чудодейственное — уже сегодня — излечение болезни Паркинсона. Ради

рейтинга — сенсация любой ценой!

А что до бессмертия... Показывают вот недавно по ТВ оживление мертвеца колдуном. А я-то знаю, что «мертвец» — это дядя Вася из анатомички одного из институтов. Ему стакан спирта дай — он вам не то что ожившего мертвеца, воскресшего Наполеона, если надо, слицедействует.

Но ежели серьезно, стволовые клетки бессмертия нам не подарят, панацеей от всех болезней не станут. В этой области пока еще великое множество и научных, и этических сложностей. Однако даже когда большинство их будет преодолено, физического бессмертия человека ни с помощью стволовых клеток, ни с помощью теломерызы никогда не добиться. Ибо нет отдельного гена долгожительства. Продолжительность жизни, конечно, генетически определяется, но определяется множеством факторов и ограничена временным пределом.

Когда мы ищем эликсир бессмертия — мы не там ищем. Чтобы человек дольше жил, его нужно хорошо кормить, создавать ему нормальные жилищные, экологические и даже психологические условия, хорошо лечить, когда он болеет. Нужно, чтобы он дышал свежим воздухом, пил чистую воду. Вот что нужно!

А добиться этого куда труднее, чем все фантазировать о «таблетках бессмертия».

О пути в науку — от Лысенко к Вавилову

— В школе биологию вам наверняка преподносили «по Лысенко». Как же получилось, что вы пошли не за ним, а подались в вейсманисты-морганисты?

— Действительно, в школе мой неискушенный мозг пребывал под наваждением «опытов» и «теорий» Лысенко, Лепешинской. И когда, выбирая между философией и биологией, я поступил в Томский мединститут с целью освоить гистологию, чтобы потом с помощью конкретных знаний разобраться в некоторых философских проблемах, тут, конечно, первую роль сыграло то, что гистологом был отец. Но немаловажным было и то, что в этой области «работала» Лепешинская.

Первые сомнения возникли еще в школе, когда отец дал почитать книгу генетика Гольдштейна «Аскарида». А потом он постоянно эти сомнения сеял и сеял.

В институте я сразу же стал заниматься научной работой в кружке при кафедре гистологии. Там пропадал все вечера. Зав. кафедрой был профессор Алексей Михайлович Хлопков. Вечера проходили в беседах, в том числе и о генетике. О Моргане и Вейсманисте, в частности. Однажды он спросил: «Ну а сам-то ты Вейсмана читал?» — «Что вы, Алексей Михайлович! Идеалист, реакционер...».

Тогда он подошел к книжному шкафу. Там стройными рядами стояли труды Лысенко, Лепешинской, сборники статей против реакционного вейсманизма-морганизма. Вытащил несколько книг. А там второй ряд. И таким же стройными рядами труды Моргана, Вейсмана, сборники, учебники по генетике. Он вынул «*Keimplasma, eine Theorie der Vererbung*» («Зародышевая плазма, теория наследственности») Вейсмана: «На вот, почитай».

Я в школе учил немецкий, в институте тоже. Читаю. Смотрю, а Вейсман совсем не то пишет, что ему вменяется. Книга произвела на меня очень сильное впечатление. Потом оказалось, что тайники генетической литературы есть еще и на кафедре биологии. И так вот я, довольно глубоко погружаясь в генетическое самообразование, постепенно стал понимать, какой это вздор — лысенковщина и лепешинщина. Нарисовал портрет Моргана и демонстративно поставил у себя на столике.

Когда пришел к власти Хрущев, поначалу обозначилось некоторое возрождение генетики. А потом покатила вторая волна восхваления Лысенко. Как раз в это время, весьма «непрактично» я, будучи председателем институтского студенческого общества, решил провести конференцию о проблемах наследственности. Партбюро института — категорически за запрет. Консультировавший нас молодой философ Анатолий Субботин — за конференцию: «Пусть ребята учатся дискутировать». И тут к нам с какими-то инспекционными целями приехал инструктор ЦК ВЛКСМ Володя Орел (впоследствии он стал директором Института истории естествознания и техники). После встречи с нами он пошел в обком партии и настоял на разрешении провести конференцию. Полагаю, по тем временам такой поступок мог стоить человеку карьеры. Но партдеятели выставили два условия. Первое: чтобы все доклады были представлены в обком для проверки (не знаю, что они там проверяли, ничего в наследственности не понимая). Второе: чтобы на конференции были представлены и сторонники Лысенко. А этого добра в Томске, особенно в университете, было тогда сколько угодно. Там царствовал Иогансон, один из видных лысенковцев. Накануне конференции он позвонил нашему ректору: «У вас есть студент Корочкин. Его немедленно надо отчислить и изолировать. Потому что он

разлагает наше студенчество, пропагандируя реакционные морганистские идеи».

Тогдашний ректор мединститута был тайным поклонником генетики, происходившим из школы Вирхова. Он рассказал об этом звонке зав. кафедрой биологии, тоже тайному морганисту. Они посмеялись. Тем дело и кончилось.

Конференция прошла очень успешно. Зал был набит. Сидели на полу, на сцене.

Как раз в это время начинался Новосибирский академгородок, сформировался в нем Институт цитологии и генетики. Во главе был Дубинин, потом Беляев.

Я после окончания института некоторое время поработал у себя гистологом, лабораторию организовал. Потом, с января 1964 года переехал в Академгородок. Сначала — в институт математики, там биологическая группа организовалась. Мое самообразование в области генетики сыграло определенную роль. Директором института был академик Алексей Андреевич Ляпунов, один из родоначальников кибернетики, глубоко интересовавшийся биологией. И меня, прежде чем решать вопрос о приеме на работу, повели к нему на смотрины. Судя по всему, беседой со мной Ляпунов остался доволен. Вскоре я перешел к Беляеву.

Сейчас работаю в Москве. Руководжу лабораториями в двух академических институтах — биологии гена и биологии развития. Читаю лекции в МГУ.

Таков мой путь «от Лысенко к Вавилову». Хотя, если строго, я считаю себя не генетиком, а генетически самообразованным биологом.

О философии

— Ну а как насчет философских исканий? К чему они привели?

— Они продолжают. Иногда печатаю статьи в философских журналах. Но если в институт поступал искренним марксистом, которому очень нравилось, как вот в недрах старого рождается новое и как новое побеждает, то сейчас пришел к совсем иным позициям.

— Кто ваши нынешние кумиры? Ясперс? Хайдеггер?

— Ясперса не люблю. Хайдеггера тоже. Уважаю Карнапа, Поппера. Из современных философов ближе всего Пол Фейерабенд. Часто и с удовольствием его перечитываю, находя множество созвучных с моими мыслями.

Из классиков чту Блаженного Августина и Канта. А Эрнста Маха считаю одним из величайших философов всех времен и народов.

— Мне рассказывали, будто мальтийский посол заказал вам написать к выставке в посольстве портреты 70 европейских и восточных философов...

— Было дело. Посол, Джузеппе по имени, был любопытным гуманитарием, кончившим, между прочим, Киевский университет. Он, узнав, что я работаю над такой серией, предложил экспонировать ее в посольстве. Назначил срок через месяц, но еще и поставил странное условие: сделать к каждому портрету пояснение в стихах. И выставка действительно состоялась ровно через месяц. И к каждому портрету мне пришлось написать по стихотворению. Хотя, как оказалось, насчет стихов он просто пошутил. Я мечтал о такой же галерее отечественных философов — Бердяева, Соловьева, Трубецких. Уже эскизы были. Но пока — неосуществленный замысел.

О роли футбола в художественных озарениях

— Правда, что ваши живописные работы вошли в антологию лучших произведений русского авангарда вместе с полотнами Кандинского, Малевича, Шагала?

— Туда действительно взяли мою картину «Троичность».

— Откуда такой поворот — от генетики к живописи?

— Наследственные гены. Отец был и врачом, и художником. В гражданскую войну его мобилизовали фельдшером в армию Колчака. Стояли они в Томске. Там отец увидел объявление о записи в школу живописи и рисования под руководством академика Академии художеств Котова. Записался. Школа оказалась

подпольной большевистской организацией. Но учили там профессионально. И художественное образование он получил хорошее.

Отец учил меня рисовать с детства. Потом я ходил в студию. Считалось: проявляю способности. Надоело. Бросил.

Вернулось все через годы. Но тут во всем виноват футбол. В Академгородке мы играли в него почти профессионально, не жалея себя. Я был вратарем. Не таким уж плохим, особенно в молодые годы. В одном из матчей бросился за мячом, но нападающий, стокилограммовый такой детина, вместо мяча, заехал бутсой по моей башке. Голова гудела, гудела, а на следующую ночь мне безумно захотелось рисовать. Но не в обычной манере, а в модернистской. И пошло!

Тогда часто ездил в Москву. Стал ходить на неофициальные выставки. Познакомился с Олегом Целковым, одним из классиков модернизма (сейчас он живет в Париже). Показал ему свои картинки. Он сказал: «Вот это у тебя хорошо получается. Так и пиши». — «Может, Олег, поучишь?» — «Это только во вред. Будешь подражать — потеряешь индивидуальность, которая пока у тебя есть. Говори себе: «Я гениальный художник». И пиши, как на душу ляжет».

Вот я и следую этому совету.

Сначала были выставки в Академгородке, на выезде, во время разных конференций и конгрессов. Когда переехал в Москву, приняли несколько работ на Малой Грузинской. Потом выставка в комсомольско-молодёжном центре. Потом в Казани...

— А все началось с того удара по голове на футбольном поле? Мистика какая-то!

— Да нет. Удар «освободил» заторможенное занятиями наукой полушарие мозга, отвечающее за художественное творчество. Я считаю, что только в равновесном взаимодействии эти два начала дают оптимальный результат. Для того, чтобы стать творцом в науке, необходимо, чтобы в ученом было развито и начало гуманитарное, художественное.

— Как в связи с этим относитесь к сокращению, скукоживанию преподавания литературы и вообще — гуманитарной составляющей нашей системы образования?

— Если кто-то с неведомыми мне, но явно не благими намерениями, поставил бы своей целью дебилизировать российское население, подавить в нем творческие потенциалы, то это — кратчайший путь к цели. Кроме аспекта, о котором речь, есть и еще один, может быть, более важный, нравственный аспект.

У молодежи не случайно сегодня чрезвычайная языковая нищета. Каждое третье слово — мат. Впрочем, иногда заменяют матерщину всякого рода «блинами». Так ведь хрен редьки не слаще! У меня дочки учатся в школе. И мне за них очень тревожно, ибо с детских лет все это входит в их жизнь.

А наши нынешние «великие» писатели! И у них каждое третье слово — все тот же мат. Или вот «великий» поэт: «А Петька Машку трахнул». Потом: «Кто сидит среди ветвей? Ну, конечно, соловей». И дальше опять: «А Петька Машке сказал» — матерщинное слово. И это кто-то считает современной классикой!

То, что пытаются сейчас сотворить с нашей образовательной системой — просто безобразие, глупость невероятная. Несмотря на лысенковщину, на все другие дурацкие вещи, которые в советские годы административно встраивались в нашу высшую и среднюю школу, она все-таки была одной из лучших в мире. По сравнению, например, с американской, которой у нас сейчас слепо подражают. Там все направлено на то, чтобы отучить человека думать, научить его работать, как компьютер: да — нет, да — нет, симптомы — диагноз. Двоичная система обработки материала — и однозначный ответ в конце.

— По сути, к этому сводится и повсеместно, как при Никите Сергеевиче кукуруза, насаждаемый у нас ЕГЭ, единый государственный экзамен?

— Да, конечно. Вопрос — и четыре ответа. Выбери правильный. А что если правильным может оказаться пятый ответ, о существовании которого недальновидные составители тестов даже и не ведают? И чтобы найти его, надо учиться думать самому, пробуждать в себе исследовательское, творческое начало.

От добра добра не ищут. Зачем же, вместо того, чтобы совершенствовать, развивать свою хорошую систему, непременно разрушать ее и копировать чужую — при нашем-то аварийном умении почему-то заимствовать на стороне не лучшее, а худшее? Мне вот лично на своих учителей в науке и жизни грех жаловаться.

Об учителях и «зубрах»

— Кого вы считаете своими учителями в науке? И почему?

— Бориса Львовича Астаурова, Алексея Георгиевича Кнорре (он, правда, не генетик, а эмбриолог) и Дмитрия Константиновича Беляева. Хотя с двумя первыми непосредственно работать не довелось. Но мне передавали, что Астауров меня любил, и это дорого стоит.

А «школу Беляева» прошел, работая с ним, и в моем становлении как ученого он безусловно сыграл ведущую роль. Сложная была личность. Но яркая, неординарная.

Знаете, какая у него главная черта (это в ответ на ваше «почему»)? Он чувствовал себя лично в ответе за будущее нашей генетики — быть ей вообще или не быть? Это сейчас кажется: что она «возродилась из пепла» — само собой разумеется. Но ведь лысенковщина отбросила ее на такие задворки мировой науки, из которых снова вырваться на передний край было фантастикой, чудом. И она там оставалась бы, на задворках, если бы не такие люди, как Астауров, Беляев, которые соединили разорванную цепь между «зубрами», классиками отечественной вавилонской генетики, и нашим, молодым поколением. Благодаря их героическим усилиям мировой уровень наших генетических исследований был восстановлен к 1972—73 годам.

— Кстати, о «зубрах». С Тимофеевым-Ресовским вы встречались?

— Владимира Николаевича хорошо знал. Познакомились на одной научной конференции, которую я организовывал, и с тех пор он встречал меня, ещё совсем молодого человека, церемониальным: «Ваше превосходительство». Святого из него не нужно строить — да и сам он, фигура достаточно противоречивая, пресекал такие попытки. Но, конечно, личность выдающаяся, безусловно в целом позитивная, которой наша наука может гордиться.

— Удивительное дело: до гранинского «Зубра» и телесериала Елены Саканян о нем мало кто знал. Я давал материалы с мирового генетического конгресса в Москве в 1978 году, опубликовал беседу с Беляевым и не знал, что в нем — впервые! — участвовал Тимофеев-Ресовский. Узнал об этом позже, по кинокадрам Саканян. Хотя буквально несколько лет спустя уже сам активно участвовал в боях за его реабилитацию.

— Ну, к его приглашению и я приложил руку, будучи заместителем генерального секретаря конгресса. Мы это приглашение включили в программу. А утверждать ее должны были в ЦК КПСС. Прихожу к Андрееву. Позже он стал академиком, директором Главного ботанического сада АН СССР, а тогда был инструктором ЦК. Прочел. Говорит: «Знаешь, я тебе программу подпишу. Но при одном условии...». Думаю, споткнулся о Ресовского. Впрочем, там было немало и другого, обо что предписано было споткнуться партийному функционеру. Спрашиваю: «Какое?». Отвечает: «Я вот был в Канаде и посетил лабораторию одного интересного генетика. В каком месте, не помню. И фамилию не помню. Но зовут его Сэм. Если гарантируешь, что найдешь его и пригласишь на конгресс, я подпишу». — «Гарантирую». Он берет ручку и подписывает. Причем, не от неведения. Это человек, который знал, что к чему.

— А того-то канадского генетика нашли?

— Нашли и пригласили.

— Интересно, что ЦК Ресовского пропустил, киношное же начальство усиленно пыталось кадры с ним из фильма о конгрессе вырезать...

— Все еще непросто было. Мы-то прикрылись разрешением ЦК. Но при подготовке конгресса случалась масса интересных вещей. Был, например, подготовлен сборник по истории советской генетики. Тут же Зимянин разругал Овчинникова. Овчинников при мне звонил Беляеву... Чтобы никаких перебираний «грязного белья»! Запретить!

Преодоление лысенковщины потребовало у нас в стране сверхчеловеческих усилий. И мне даже уже всего пару лет назад пришлось выступать на страницах «Литературной газеты» со статьей «Во власти невежества. Неолысенковщина в российском сознании».

Об анкете Маркса

В конце разговора я попросил его ответить на анкету, которая в советские времена была известна как «анкета

Маркса», но на самом деле и в XIX, и в XX веках бродила и по Европе, и по Азии, и по Америке (на счет Австралии и Антарктиды сведений у меня нет) в разных вариациях. Каждый интервьюер инкрустировал в нее свои вопросы. Я — тоже.

— **Что вы больше всего цените: в мужчине, в женщине, в человеке?**

— В мужчине ум, в женщине красоту, в человеке честность.

— **Ну, вы почти по Марксу отвечаете. Какую человеческую слабость склонны скорее всего извинить?**

— Может быть, любовь к выпивке.

— **Какой недостаток или поступок не простите никогда и никому?**

— Подлость.

— **Люди, к которым Вы можете отнести германовское: «дорогой мой человек»?**

— Мои друзья. Мои ученики. Мои учителя. И первый учитель — отец, конечно.

— **Самая замечательная историческая личность?**

— Наполеон Бонапарт.

— **Ваш любимый прозаик?**

— Жюль Верн.

— **Поэт?**

— Пушкин. Ну и Гумилев еще. Из нынешних — Бродский. А так — Пушкин.

— **Драматург?**

— Мольер.

— **Композитор?**

— Трое. Бетховен, Моцарт и Верди.

— **Художник?**

— Кандинский особенно любим. А вообще-то тут может быть длинный список: Тинторетто, Леонардо да Винчи... Из наших — Врубель, Нестеров, Серов... Не люблю Глазунова и Шилова. Хотя исповедую модерн в искусстве, но нынешнее увлечение инсталляциями, соединением предмета с живописью меня не трогает.

— **Режиссёр?**

— Любимов.

— **Актёр?**

— Ильинский.

— **Актриса?**

— Скобцева.

— **Фильм?**

— «Сети шпионажа».

— **Книга?**

— «Град божий» Блаженного Августина.

— **Песня?**

— «Марсельеза».

— **Город?**

— Москва.

— **Цвет? Цветок?**

— Красный. Роза.

— **Любимое занятие?**

— Наука.

— **Какой первый шаг вы бы сделали, если бы вас избрали президентом России?**

— Издал бы декрет о развитии науки.

— **А знаете, какой был первый декрет Ельцина?**

— Какой?

— **О развитии науки и образования.**

— Но я бы добился, чтобы мои декреты выполнялись!

— **Ваше представление о счастье?**

— Оно в труде.

— **Самое радостное и самое трагичное события в вашей жизни?**

— Самое радостное – рождение первой дочери Саши. Самое трагичное – смерть отца.

— **Когда вы могли бы сказать себе: «Мгновение, остановись, ты прекрасно»?**

— Если бы все дорогие, близкие мне люди воскресли.

— **Вопрос, навеянный повестью Стругацких «Трудно быть богом»: трудно быть человеком в нашем мире, нашей стране, нашем веке?**

— Я, правда, Стругацких не люблю. Ну а трудно или нет, это, по-моему, от человека зависит. Несмотря на все нынешние сложности, я не хочу возврата в прошлое. Хотя не все там было плохо. Наука, например, хорошо поддерживалась. В Академгородке поначалу дышалось свободно, это был настоящий заповедник свободы. Потом, особенно после знаменитого концерта бардов, началось распространение системы надзора и на Академгородок. Надзиратели, однако, были разные. Некоторые предупреждали: вы там поосторожнее, ребята, поступают сведения, что... Но были и такие, которых я называл отдел генетики КГБ. Быть человеком трудно, но свобода выбора у него всегда есть: оставаться им и тогда принимать на себя соответствующую порцию трудностей. Или жить бестревожно, но выгибаться вместе с изгибами русла жизни. И так во все времена. Разве что в разных формах. Выбор всегда — за тобой самим.

Эпилог

Чуть было не поставил названием последней главки: «О смерти». Нет, о смерти мы тогда не говорили. Это я уже — от себя.

У него было много интереснейших идей, экспериментальная проверка которых предполагала впереди годы, десятилетия, жизнь. И это были идеи нобелевского уровня, а, может, — бери выше — гамбургского счета в науке, который далеко не всегда совпадает с нобелевским. Сколько выдержавших его великих учёных Нобелевской премии так и не получили.

Раз в крещенский вечерок мы устроили у нас в редакции «Новой газеты» «гадание на кофейной гуще»: каким десяти российским ученым светят следующие, после алферовской, нобелевские медали. Первым в списке

оказался Виталий Гинзбург. Он ее вскоре и получил. А среди генетиков жребий пал на Корочкина.

Конечно, насчёт «гадания на кофейной гуще» — это была всего лишь наша рождественская мистификация. На самом деле, клятвенно заверив, что сохраним их инкогнито, мы опросили авторитетных в своих областях отечественных и зарубежных учёных. Так что наш список кандидатов на Нобелевку имел под собой самые солидные основания.

Со временем, наверное, Леонид Корочкин стал бы нобелевским лауреатом как один из пионеров современного исследования стволовых клеток в мировой науке, основатель новой её, науки, ветви — генетики развития. Но он им уже никогда не станет. Это награда для живых. А он летом 2006 года был убит в Москве. Известный американский генетик, наш соотечественник Валерий Сойфер написал тогда в некрологе: «Трагическая новость: сбитый на маленькой дорожке Ленинского проспекта мотоциклистом, скончался крупнейший русский ученый, прославивший свое имя в нескольких областях современной науки, член-корреспондент РАН Леонид Иванович Корочкин. Он был действительно уникальным человеком, поразительно талантливым и плодотворно творившим во многих областях... Мировая наука и культура понесли огромную потерю».

В наше скоропалительное время интерес к ушедшим быстро гаснет, даже если при жизни и ритуальном прощании их называли «гениями» и «суперзвёздами». С Корочкиным — наоборот. С каждым годом его имя всё больше на слуху. Секрет тут, прежде всего, в опережающих своё время научных его результатах. Именно они открыли принципиальную возможность в не таком уж далёком будущем при помощи стволовых клеток действительно одолеть болезни Альцгеймера и Паркинсона, проводить генетические корректировки жизнедеятельности человеческого организма, пока не выходящие за рамки научной фантастики. И чем ближе будущее, тем чаще будет поминаться его имя, которое в энциклопедических справочниках связывают с такими исследовательскими новациями, как развитие стволовых клеток мозга, трансплантация эмбриональных клеток, выявление генов, отвечающих за специализацию клеток в коре головного мозга: он при этом «один из первых использовал метод гистохимии, который в настоящее время является основным способом анализа морфологических изменений в процессе онтогенеза или развития патологий».

Заставило меня вернуться к нашему, не опубликованному при его жизни диалогу одно странное событие уже нынешних дней. «Литературная газета» в номерах за 18-24 марта и 3-9 июня этого года опубликовала отрывки доктора медицинских наук, профессора Михаила Анохина, утверждающего, между прочим, следующее: «... Эксперты по прошествии времени считают вклад Т.Д. Лысенко в науку, и тем более в практику, большим, чем, например, И.П. Павлова. < ... > Овечка Долли умерла, а раньше умерла та генетика, которую с избыточной страстностью критиковал Лысенко...». И: «... Н.И. Вавилов крайне мало сделал для науки и практики, зато много путешествовал. Заводил на Западе знакомства, имел там счета в банках <...>. И растрачивал государственные средства без отдачи».

Убедительную отповедь автору этих отрывков уже дали на страницах «Новой газеты» в полном, электронном варианте её номера за 1 апреля этого года академики РАН, ведущие отечественные генетики Г. Абелев, В. Гвоздев, Е. Свердлов. Косвенным, опосредствованным ответом на новую активизацию лысенковщины может стать и данная публикация.

Да, Лысенко — это уже позавчерашний день. Но почему так долго тянется в нашей жизни след, казалось бы, навсегда отверженной ею лысенковщины? Не потому ли, что мы и по сей день не отрешились от того стереотипа, который в психологии известен как «мышление комплексами» и означает сведение сложных, противоречивых явлений жизни, истории, науки, требующих глубокого анализа, убедительных доказательств, к бытовому и политическому лозунговому примитиву? Особенно наглядно это проявлялось когда-то в фантазмагорических судебных процессах, именовавшихся при Сталине научными дискуссиями. Процессы, как нам представляется, канули в прошлое, в позавчера. Но мышление-то комплексами от нас никуда не делось! И потому лысенковщина и сегодня реанимируется, регенерируется в новых обликах в одном ряду с судебным иском питерской школьницы к Дарвину за его теорию происхождения видов, посягающую на божественное сотворение человека. С засильем хорошо оплачиваемых астрологов на страницах газет. С недавним включением Госстандартом и Минэкономразвития России магов и колдунов в классификатор экономической деятельности. Так что маги и колдуны (а их в одной Москве, по сообщениям СМИ, 100 тысяч) теперь будут охмурять народ на вполне законном основании.

Неясно только, зачем «Литературке» встраиваться в этот неблагоприятный ряд? И когда она высказывала свою истинную позицию? Когда несколько лет назад публиковала статью Леонида Корочкина «Во власти невежества. Неолысенковщина в российском сознании»? Или сегодня, когда предоставляет свои страницы для обнародования того, что один из биологов довольно точно назвал манифестом неолысенковщины?

...Я так и недобеседовал с ним о многом из того, о чем думалось: еще успеется. Не успелось. Теперь сама его жизнь и сама смерть остаются для нас укором и уроком на тему: трудно ли быть человеком на этой земле и как жить, чтобы быть человеком.

Автор: Ким Смирнов © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 6152 15.08.2009, 11:08 📄 331
URL: <https://babr24.com/?ADE=80243> Bytes: 33590 / 32883 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ким Смирнов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)